

**Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Уральский государственный педагогический университет»
Институт психологии
Кафедра психологии образования**

**ПСИХОЛОГИЯ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ
Материалы Международной научно-практической конференции
18-19 октября 2017 г.**

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Екатеринбург 2017

УДК 159.99:37.015
ББК Ю957.6
П86

рекомендовано Ученым советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве *научного* издания (Решение № 733 от 12.12.2017)

Редакционная коллегия:

Н.Н. Васягина, докт. психол. наук, профессор кафедры психологии образования ФГБОУ ВО УрГПУ;

Е.А. Казаева, докт. пед. наук, профессор кафедры психологии образования ФГБОУ ВО УрГПУ.

П86 Психология семьи в современном мире [Электронный ресурс] : сборник материалов Международной научно-практической конференции / Урал. гос. пед. ун-т. – Электрон. дан. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM).

ISBN 978-5-7186-0951-6

Сборник материалов Международной научно-практической конференции посвящен актуальным вопросам современной психологии семьи, проблемам и перспективам ее развития. В данный выпуск вошли статьи ученых-исследователей, психологов-практиков, учителей, педагогов, студентов, магистрантов и аспирантов психолого-педагогического и педагогического направлений подготовки, раскрывающие сущность обсуждаемой проблемы. Материалы сборника могут быть полезными преподавателям, аспирантам, студентам, работникам системы образования.

УДК 159.99:37.015
ББК Ю957.6

ISBN 978-5-7186-0951-6

© ФГБОУ ВО «УрГПУ», 2017

*Вертынская Лидия Александровна,
преподаватель кафедры социальной и семейной психологии,
Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка
220114 Республика Беларусь, г. Минск, ул. Ф. Скорины, 13
vert.lid@tut.by*

НАРРАТИВ В ПРАКТИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СЕМЬИ

Аннотация. В статье уделяется внимание вопросу конструирования идентичности в тексте семейного нарратива. Анализу подлежит временной фактор, очерчивающий границы коллективного семейного опыта, в той мере, в которой он нарративно артикулирован. Рассказ историй понимается как способ, позволяющий членам семьи обмениваться смысловым содержанием в целях укрепления семейной идентичности

Ключевые слова: нарратив, идентичность, жизненные истории, психология семьи, темпоральность.

*Vertinskaya Lydia Aleksandrovna,
lecturer of the Department in social and family psychology,
BSPU named after Maxim Tank
220114 Republic of Belarus, Minsk, F. Skoryna str., 13*

NARRATIVE IN THE PRACTICE OF FAMILY STUDIES

Abstract. The article pays attention to the question of constructing an identity in the text of a family narrative. The time factor is analyzed that delineates the boundaries of collective family experience, to the extent that it is narratively articulated. The story is understood as a way of allowing family members to exchange semantic content in order to strengthen family identity.

Keywords: narrative, identity, life stories, family psychology, temporality.

Развитие идей постнеклассической психологии принесло иное, непривычное для традиционной психологии понимание категории «личность», которая стала определяться не как набор индивидуальных свойств и обстоятельств среды, результат их взаимодействия, а как особая целостность, многообразный «жизненный мир», разворачивающийся в процессе переживания человеческого опыта во времени. Можно сказать, что в 70-80 г. XX ст. в социально-психологическом знании начал происходить медленный эпистемологический сдвиг в изучении личности от деконтекстуализированного, изучаемого по отдельным функциям и свойствам Я к его интегрирующему началу, имеющему нарративную природу.

Т. Сарбин, провозгласив нарратив в качестве корневой метафоры для психологии, высказал один из фундаментальных тезисов о том, что личность воплощается в тексте самонарратива, где ее можно обнаружить и зафиксировать через систему принадлежащих ей значений [4, с.8]. Этот тезис укладывается в плоскость основных положений постмодернизма, который дал возможность взглянуть на человеческую реальность не как на отражение, а как своеобразную языковую конструкцию, где язык не просто описывает реальность, а конституирует ее.

Отказ от традиционных поисков реальности, которая не существует вне текста, позволил в нарративном подходе обратить внимание на то «что» и «как» повествует о себе личность, находя внутри данной системы самотрактовок и самоописаний нечто крайне важное – объяснительный принцип её организации. Понимая под нарративом процессуальность самоосуществления как способ бытия повествовательного текста, акцент в изучении личности стал смещаться на ее идентичность, ключевой задачей которой выступает сведение воедино разрозненных аспектов Я таким образом, чтобы они, имея даже внутренние противоречия, могли быть осмысленно увязаны друг с другом в некой временной последовательности.

Иными словами можно сказать, что идентичность обнаруживается в способности поддерживать некий нарратив, историю собственного Я, сохраняющего свою цельность, несмотря на изменение отдельных ее компонентов. Она представляет собой интериоризованную жизненную историю, отрефлексированную в терминах собственной биографии [2, с. 162]. Её можно представить в виде мозаики различных контекстов, ролей, опыта, который переживает индивидуум, оказанным на него влиянием. При этом соавторами жизненных историй являются как сам человек, так и тот социокультурный контекст, в который жизнь человека встроена. Особенное значение это положение приобретает, когда речь идет о семейной истории или жизненной истории семьи, которая выстраивается на основании усвоенных в процессе социализации культурных примеров и правил не одного поколения.

Семья для любого ребенка выступает коллективным носителем макро- и микросоциальных традиций, создающим собственное микросоциальное пространство. Это внутреннее для семьи и первоначально внешнее для ребенка пространство «малой культуры» является своеобразной проекцией разнообразного внешнего человеческого опыта, свёрнутого в «большой» культуре. Массовый историко-культурный опыт людей, живущих в одном месте в одно и то же время, преломляется через индивидуальное бытие нескольких поколений членов данной семьи, что постепенно создает внутрисемейную «версию бытия». В пределах этой версии, в эмоционально насыщенном семейном микропространстве для ребенка [3, с. 178]:

- складываются особые, уникальные для его бытия социальные ситуации развития;
- закладываются основные семиотические зоны, которые будут впоследствии определять нечто как смысложизненную ценность, как своеобразные «модули» сознания;
- формируются установки, которыми взрослеющий человек будет руководствоваться в организации, осмыслении и оценке своего жизненного пути.

Исследуя истории семей, П. Бёлей обратила внимание на то, что рассказчики часто делают отсылки на семейный опыт, который был получен в детстве, в родительской семье, и, который существенно повлиял на их представления о собственной семейной жизни. Кроме того, значимая часть опасений и ожиданий по отношению к своим детям в будущем транслируются родителями из набора семейно-родственно-родового опыта, играющего значимую роль в их формировании. На основании анализа преемственности особенностей родительства в роду П. Бёлей пришла к выводу о том, что существует единое пространство представлений о семейной жизни [6, с. 69], которое передается из поколения в поколение с течением времени. Накапливаются и синтезируются подобные представления в содержании истории семьи, а передаются посредством семейных ритуалов, традиций и развернутой коммуникации между поколениями.

Схожим образом понимает семью Д. Жером [8, с. 13], полагая ее своеобразной, сложной, пролонгированной системой во времени, которая:

- имеет изменяющуюся структуру в результате ухода старшего поколения и появления нового;
- развивается с течением времени в параллели с изменением социальных и культурных условий;
- имеет свою собственную внутреннюю культуру, выработанную и поддерживаемую поколениями.

Способность нарратива темпорально развивать и поддерживать историю семьи обеспечивает единство мемориальных воспоминаний о произошедших событиях в жизни ее членов, а также приводит в упорядоченную связь их обособленные переживания за счет преобразования в хронологическую последовательность. Именно поэтому временной аспект может считаться связующим, интегральным элементом жизненного цикла семьи [6, с. 32]. При этом результатом налаженной межпоколенной коммуникации в семье и обмена накопившимися историями является семейная идентичность. Совместное со-конструирование единого семейного нарратива приводит к единству во взглядах, ценностях, коллективным действиям, базирующимся на едином восприятии вещей [1, с. 115]. П. Бёлей называет это единым «сознанием» семьи, которое разделяется посредством коммуникаций и формирует семейное «самоопределение».

Согласно Л. Беннет: «Семейная идентичность – это субъективное ощущение семьи, ее протяженности во времени, ее настоящей ситуации, ее характеристик. [Семейная идентичность] это гештальт качеств и атрибутов, которые составляют особенность семьи и отличают ее от других семей» [5, р. 51]. Данное определение напоминает во многом определение идентичности, данное Э. Эриксоном, и характеризуется тем, что в нем не упоминается как таковая личностная составляющая семейной идентичности: ощущение не только семьи, но и своей принадлежности к ней.

А. Эпп и Л. Прайс, исследуя феномен семейной идентичности, пришли к заключению, что она состоит из нескольких взаимосвязанных компонентов: структуры, межпоколенной ориентации и характера [7, с. 54]. Выраженность данных компонентов идентичности и их своеобразие в соотношении между собой создают неповторимое субстанциональное сочетание, которое отличает одну семейную самопрезентацию от другой.

С функциональной точки зрения можно говорить о том, что семейные нарративы задают координаты семейной идентификации. Если внутрисемейные отношения оцениваются членами семьи как удовлетворительные/положительные, то они осознанно или бессознательно в рассказе стремятся к тому, чтобы соотноситься с представителями своего рода, подчеркивая значимые фамильные черты и вовлекая в контекст рассказа семейные достижения. Если же отношения в семье оцениваются ими негативно или был пережит некий травматический опыт в одном из поколений, из-за которого образовалась негативная идентичность, был пережит негативный перенос к роду, то в таком случае члены семьи обнаруживают в рассказе стремление к индивидуализации, к наращиванию автономного самопозиционирования в условиях семейной системы. Предикторами, усиливающими процесс личностной самодетерминации в рассказе, также могут быть расплывчатые семейные цели и ценности, ролевые инверсии, дефицит правил, жесткость и непроницаемость границ, отсутствие поддержки и сплоченности. На этом фоне в рассказе активно начинают изобретаться не связанные с семейными обстоятельствами собственные планы, намерения и смыслы существования. Однако в большинстве случаев создаваемые нарративы апеллируют к контексту взаимосвязи со значимыми другими, где затрагивается семейная среда сквозь призму характеризующих ее тем. Даже вскользь упомянутые сюжетные линии о семейной ситуации дают понять, что семьи обладают определенным восприятием себя, чувством «Мы», совместным согласием в отношении концепции или мифа о природе своего группового единства [10, с. 21]. Так, проводя анализ рассказанных семейных историй, П. Бёлей обнаружила, что, повествуя, члены семьи базируются на общих устойчивых убеждениях, которые образуют семейное ядро, некую семейную философию. В процессе рассказа историй семейные сценарии, заложенные в рамках опыта семейной жизни в родительской семье, передаются от старшего поколения младшему; поколения могут следовать этому опыту, а могут корректировать сценарии, чтобы исправить прошлые ошибки. Ключевой функцией рассказа в данном случае является закрепление семейных убеждений в единую целостность, придающей семье, как системе, внутреннюю согласованность и сплоченность [6, с. 53].

Истории становятся формой, закрепляющей семейный опыт, и источником трактовки семейных перемен. По мнению П. Бёлей, они помогают упорядочивать представления о семье, интегрировать опыт в стремлении к преемственности и связи поколений. Семейные нарративы играют решающую роль в социализации ее членов, определяя модели поведения, указывая возможные способы преодоления проблем, к которым ранее уже успешно обращались другие члены семьи [6, с. 67]. Семейные нарративы посылают мощные сообщения касательно предпочтительного поведения или способов решения проблем в кризисные моменты или во время важных перемен.

Опыт решения проблем и прохождения трудных ситуаций становится частью семейных историй, которые обсуждаются в семье, особенно в тяжелые жизненные моменты. Включение кризисных событий в семейные нарративы является важным источником понимания того, как семья определяет себя. Стиль, в котором семья стремится себя утвердить и передать свой общий характер, определяется П. Бёлей, как семейная идентичность.

К. Лангильер и Э. Питерсон на протяжении двадцати лет изучавшие семейные истории, сформулировали теорию представления семейных нарративов, в которой рассказ историй утверждается как способ, позволяющий семьям обмениваться смысловым содержанием в целях укрепления семейной идентичности [9, с. 103]. Авторы теории выделили три взаимосвязанных уровня рассказа историй, которые вместе работают на то, чтобы создавать единое смысловое пространство между рассказчиком и слушателями.

На условно выделенном первом уровне происходит отбор из всего биографического массива семьи того содержательного контента, который упорядочивает опыт по основным или переломным для семьи событиям (смерть, рождение ребенка, свадьба, переезд и т.д.) таким образом, чтобы его можно было рассказывать и хранить для воспроизведения длительное время. На данном уровне повествуется то, что важно для поддержания ее семейной идентичности, то, что в виде знания должен усвоить каждый член семьи, сохранив его в памяти для передачи из поколения в поколение.

Второй уровень касается того, кто, кому, где и когда рассказывает историю. Часто роль основного рассказчика в семьях, согласно исследованию К. Лангильер и Э. Питерсон, падает на среднее поколение между дедушками-бабушками и внуками-внучками, особенно когда младшее поколение имеет хоть небольшое взаимодействие с самым старшим поколением в семье. Тем не менее, семья может назначать соответствующие роли разным членам семьи для рассказа определенных типов историй или для рассказа историй при конкретных семейных обстоятельствах.

На третьем уровне в семейных нарративах подчеркивается то, как в процессе рассказа историй формируется семейная идентичность. Семьи рассказывают истории о том, чем они отличаются от других, в чем их особенность, кем они являются в определенной социокультурной среде. Затрагиваются темы необычных семейных ритуалов или вполне привычных повседневных практик, позволяющих отнести данного конкретного рассказчика к его семье. Поднимаются вопросы, проясняющие структуру семейных ролей, предписывающую родственникам, что, как, когда и в какой последовательности они должны делать, вступая друг с другом в отношения. Очерчиваются границы в подсистемах, т.е. те правила, которые определяют, кто и каким образом выполняет семейные функции в определенном аспекте семейной жизни. Косвенно оговариваются установленные стереотипы взаимодействия в семье, способы ее регуляции и согласования отдельных позиций ее членов; порой это необходимо для того, чтобы закамouflировать семейные конфликты и неудовлетворенные потребности, согласовать идеализированные представления членов семьи друг о друге. Анализ семейных историй позволяет разграничить эти две области и выявить, что относится к «внутренней» семейной идентичности, а что – к внешне ориентированной презентации семьи.

Таким образом, семья как сложно организованная, развивающаяся во времени система, находит своё выражение во внутрисемейных коммуникативных практиках. Ежедневные рассказы историй являются базисом семейной коммуникации. Опираясь на проделанный теоретический анализ исследований семейных нарративов, можно сделать вывод о том, что рассказ историй является основополагающим процессом для семейных отношений и способствует формированию семейной идентичности. Изучение историй семьи уместны и необходимы для осознания и истолкования тех смыслов, которые несет в себе коллективный семейный опыт, определению ценностей, разделяемых членами семьи, а также характера социализации ее участников, который обуславливается более широким культурно-историческим контекстом. В рамках исследовательской деятельности сбор семейных историй может быть осуществлен посредством записи семейных разговоров в естественных для них условиях, в процессе нарративного интервью с кем-то из членов семьи, а также могут быть использованы автобиографические материалы из архивов, хранящих сведения о повседневной жизни людей.

Список использованных источников:

1. Городилова, М. В. Диалог с историей своей семьи: зарубежный опыт исследования // Педагогика и психология образования. – 2017. – № 2. – С. 110-119.

2. МакАдамс, Д. П. Психология жизненных историй // Методология и история психологии. – 2008. – Т. 3. – Вып. 3. – С. 135-165.
3. Сапогова, Е. Е. Микросоциум семьи и семейный нарратив как психологическая основа культурного социогенеза // Индивидуальные и стилевые особенности личности / отв. ред. Т. Ю. Синченко, В. Г. Ромек. – Ростов-на-Дону : ЮРГИ, 2002. – С. 177-190.
4. Сарбин, Т. Р. Нарратив как базовая метафора для психологии // Постнеклассическая психология. – 2004. – № 1. – С. 6-28.
5. Bennett, L. A. Family identity, ritual, and myth: A cultural perspective on life cycle transitions. – New York : Guilford Press, 1988. – 298 p.
6. Bolea, P. S. Transitions to parenthood: a narrative study of intergenerational issues and family identity : diss. ... doctor of Philosophy. – East Lansing, Michigan, USA, 1996. – 113 p.
7. Epp, A. M., Price, L. L. Family identity: A framework of Identity Interplay in Consumption Practices // Journal of consumer research. – Chicago : The University of Chicago Press, 2008. – № 35. – P. 50-70.
8. Jerrome, D. Time, change and continuity in family life // Ageing and Society. – 1994. – Vol. 14. – P. 1-27.
9. Langellier, K. M., Peterson, E. E. Narrative performance theory: Telling stories, I m doing family // Engaging theories in family communication: Multiple o pg perspectives / D. O. Braithwaite, L. A. Baxter (eds.). – Thousand Oaks, CA, 2006. – P. 99-114.
10. Cowan, P. Individual and family life transitions: A Proposal for a new definition // Family transitions. Hillsdale / P. A. Cowan & Hetherington (eds.). – Mahwah, NJ., 1991. – P. 3-30.